

Надзей папов унук

Как не в каком чарстве, не в каком государстве, как жив поп, поп удов, и как была у евтога папа доц яго радная. Ета, братиц ты, как ён бярёг яе, и как ён ни ездить куды у приход, ён завсягды вязець ей гастинцыки: що евта прихожани знаюць, що ёсь у нашаго папа доц и надабиць ей как-нибудь гастинцыка паслаць. И паехав ён у приход — верст за двенадцать дзеревня, ну, ета ён з прицастям паехав, и там ён прицастив цалавека; ну, ладна, и прибярягли яго воцинна харашо. Ну, ён и забыв, щобы гастинца доцки дали, ну, ён и сев з евтим и паехав дамов.

И едзиць ён па дароги, и гариць цалавецкая галава на дароги, и уся згарела, только попил ядин астаецы. Ён было праехав, патом и уздумав: «Ще ж я праехав? Видзь цалвецкая галава гариць, дай я вазьму, у карман евтат папялок улажу, связу дамов и пагрябу». Ну, узял ён у карман яго и усыпав, сев на лошады апяць и паехав дамов. Ну, прияжджайць к двару, и сувстрикаиць яго доцка, з лошады знимаиць яго; у яго забалела галава, видна з ветру, и яна спаць яго палажила на пярину. Ну, патом яна уздумала ета: «Ах, бацюшка ж мой нябось гастинца привёз!» Яна и цап у карман; евтат жи папялок абаратився ларцыкам. Ну, ета яна выхватила етат ларцык и кажиць: «Ну, ларцык! Харашо; а ня знаю, как яго атлажиць». Ну, вот яна выхватила и лизнула яго и забяреминила. Кто носиць па нядзелям, а яна па цасам; дайшло да таго уремя, що радзиць, и радзила; ну, сийчас патом яго и ахрисцили, нарекли имя Надзей, папов унук.

Патом став росць етат маладзениц; хто расцець па гадам, а ён па цасам; шесць нядзель концылась — на вуличу к рябятam шулугу ганяць пайшов. Вдариць ён па шулуге, шулуга ляциць, только звизжить; каму вдариць у нагу — нага проц, каму вдариць у руку — так рука проц, каму у галаву — галава проц. Ета атцы евтих дзяцей и приходзяць к свящельнику етаму, и приходзяць к свящельнику з прозьбай: «Бацюшка! Ни пущайце свайго унука на вуличу гуляць к ребятam, больна много ён шкоды дзелаець». Каторый гавориць — майму галаву адарвав, другей гавориць — майму руку адарвав; ни пущайце, гаворюць, бацюшка, как можна.

Ну харашо, мог ён вуздържаць яго до самага лета; ён вырас парядашнай, и гавориць ён: «Ну, дзедушка любезнай, що ж мы будзим дзелаць-рабатаць?» Дрянно дзед яго узрадовався и гавориць: «Доц мая любезная! Слава табе госпадзи! — гавориць. — Дав бог наследника какаго; бог паслав! И какей

хлапатнэй! Що я буду з ним дзелаць? Ну, станім рабатаць. Пойдзим, — гавориць, — унуцык мой, ляда вывалим». — «Пойдзим, дзедушка!»

И зайшли яны у балота, и выбрали яны места такая припадобная. Дзед став нацынаць ель валиць, ён (внук) гавориць: «Дзедушка, ты ня поцынай, меня бласлави». — «Ну, — гавориць дзедушка, — унуцык, бог цябе блаславиць!» Ён сийчас как нацав, как поцав да как став валиць, адна лес трящиць; так сяканець з яднаго бока тапаром, с другога дзерива паляцела. Да двенадцатага часу ён вывалив палтары дясацины ляда. Дзед кажиць: «Нужна сечь мельця да жечь». А ён гавориць: «Дзедушка, мы и так груддэ складзём».

У три дня ета ляда паспела сеяць. Узяли яны з дзедам и пасеяли, да врадзился ж авёс, так етакай авёс нисказанной. Ну, павадзился в евтат авёс мядзведзь. Пасматрев поп, схади́мши, ляда — много зъедзина авса. Приходзиць ён дамов, спрашиваиць унук: «Що, дзедушка, ти какаво наша ляда?» — «Дрянно, унуцык, харашо, только ж повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно ись и мно́га зъяну здзелала». — «Как так, дзедушка, сколько трудился я, а яна, евакая шельма, сколько зъяну надзелала! Пайду пакаравулю. Пайщи-тка мне кольки ни на ёсь пяночки». Сев ён, звив аброць, паабедав, в лес пайшов. Приходзиць ён в ляда, и вдивився ён, удал добрай моладзиц: «Ах, бог мой, кольки шкоды здзелала, цирпець нивазможна!» — и сев ён сиред ляда на пни. Ну, и сидзиць: патом сийчас мядзведзь идзиць з лесу, и пряма у авёс, и взнявся и паёнс авёс смуниць. Ён, добрай моладзиц, и вдивився: «Що ж ева за дива, я еваких лашадзей не видывав; що б ета за аказия такая, как яна авёс кастиць».

Ета падходзиць ён — мядзведзь — к няму близка, к самому ка пню. Мядзведзь етага и ни внываиць, що цалавек стаиць; ён думаиць, що ета пень стаиць, и падходзиць к няму близка. Ён сийчас са пня, и цап яго за вуши, и схватив; ета схватив и притиснув к зямли яго. Мядзведзь думаиць: що такей, и хацев паправитца; ну вуж позна ён яму и папясца ня дав, узяв яго етай аброттю забратав и дамов повёв. И вёв ён яго дамов, мядзведзь какою дзерива захва́циць — з корним варо́циць. Ну, и привёв ён яго дамов, привязав сиред двара к сталбу и приходзиць у вызбу. «Ну ты, госпадзи, — гавориць, — какая лошадзь, дзедушка, разъелась! Как я умарився, тянумши яе дамов!» Дзед вышав на двор и вжахнувся. «Пасматри-тка, — гавориць, — доц мая любезная, що твой сынок, а мой унуцык здзелав» — и кольки время дзивавилися яны. Ён (внук) гавориць: «Ни дзивуйцися, а гаворьти, що мы над етай лошаддю дзелаць будзим, как яна сильна дужа, и що на ёй рабатаць?» — «Вази, — кажиць дзед, — унуцык, дровы».

Взяв ён етага мядзвездзя и запрёг яго у цялегу, и панёс ён вазиць дровы на мядзвездзю, и у три дня усе цыста загрузив, абклав кругом усё сяленне. Етим прицетникам ни выйци, ни выихаць; усё загрузив цыста! И приходзяць ети прицетники к етаму свящельнику и гаворюць: «Дзе хоцьте дзеньте яго, щоб ён ня був; що ж ета за аказия, що у три дни усё сяло загрузив, ни выйци, ни выихаць никак нивазможна». — «Ах, доц мая, — гавориць дзед, — що мы будзим дзелаць! Жалка табе сына, а мне унука; ну ж пошлим яго, куды хош ён — туды и ступай!» Ну, прызываиць ён к сабе унука и гавориць: «Ну, унук мой любезнай, приходзяць прицетники з прозьбай; жалка мне цибе а ступай ты, унуцык, куда ты уздумаў, на все цатыри стораны». — «Эх, дзедушка мой любезнай! Вы б давно и сказали мне евта, я и пашов бы, никольки ня медлимши. Матушка мая любезная! Спяки мне каравашицку». Маць яго спякла яму каравашицку, улажила у хатомацку.

Вставав ён ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узяв ён евту хатомацку, надзев яе на плечы, блаславився: «Матушка мая любезная и дзедушка мой радзимай, блаславице на пуць, на дарогу». Памалився ён богу и пашов, и вышав ён у цыста поля, и наставив ён ни пуцём, ни дарогай, и наставив ён лясам дрямуцым, грязям тапуцым, и ишов ён семь дён без полдён, рот на апашку и язык наатмашку; вышав ён у тридзевятую землю, у тридзесятая чарства, и выходзиць ён у цыстая поля, у крутые горы, — и гуляиць Гарыня-багатырь и горы капком капаиць. Приходзиць Надзей, папов унук, к няму и гавориць: «Бог помаць, Гарыня-багатырь! Куды такая в цибе сила нязметная. Как ты, — гавориць, — гарам капаишь, как шулугу?» А ён гавориць яму: «Эх, — гавориць, — удал моладзиц! Ни вдивляйся ты маея сили. В тридзевятай земли, у тридзесятам чарстви, — гавориць, — как ёсь Надзей, папов унук, так у таго ня евтакая сила! Как привёв ён мядзвездзя з лесу, да на мядзвездзи усё цысто сяло загрузив. Яго, — гавориць, — воран кастёв ни заносиць, добрай маладой конь ни завозиць!» А ён гавориць: «Ах, брат Гарыня-багатырь! Ни воран кости заносиць, а сам добрай моладзиц заходзиць». А ён гавориць: «Ах, брат, тык евта ты Надзей, папов унук! Вазьми, брат, мяне у мяньшие братья». Ён яго и узяв, и яны многа хадзили, и многа багатырёв пабядзили, и многа гарадов захвацили; патом яны пажанились и багата жили.